Юрий ЛИННИК
г. Петрозаводск

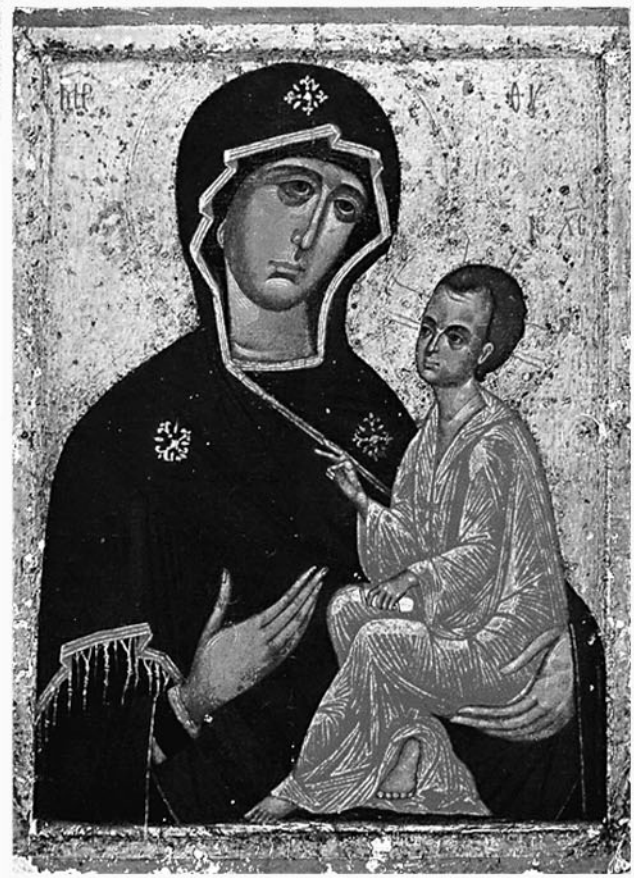
СЕВЕРНЫЙ ТРИПТИХ

Санкт-Петербург и Ленинградскую область не относят к Русскому Северу, хотя они расположены севернее, чем, например, Псковская область. Это вызвано тем, что Санкт-Петербург олицетворяет западное начало в русской культуре и истории. Однако по ряду мнений есть основания относить к Русскому Северу территории Ленинградской области с условными границами восточнее реки Волхов и севернее железнодорожной линии Волховстрой – Вологда, включая город Тихвин, как территории, сохраняющие определённое культурное поле (русское деревянное зодчество и т. п.), применимое к понятию «Русский Север».

Часть I.

ТИХВИН-2014

ОДИГИТРИЯ



По преданию, тихвинская Одигитрия была написана евангелистом Лукой. В 439 г. её из Иерусалима доставили в Константинополь. Во время иконоборчества она перенеслась обратно, однако потом возвратилась во Влахерны, где пребывала до 1383 г.

Остаётся 70 лет до падения Восточной Римской империи.

Икона внезапно исчезает из Влахернского храма.

Ошеломив простых рыбарей, она появляется – вся сияющая, в невесомом парении – над нашей Ладогой.

Семь остановок сделала икона на пути в Тихвин.

Первые из них – на реках Паша и Оять – осеняют Олонию.

Впрочем, тогда все эти земли принадлежали Новгороду – с присоединением его к Москве икона стала общенациональной святыней.

Василий III и Иван IV проявляют огромное внимание к Тихвину. Они понимают: Русский Север, предызбранный и выде-

ленный самой Богородицей, станет опорой Отечества.

Большевики перемещают икону в краеведческий музей.

Оккупация.

Немцы увозят икону в Псков.

В 1944 г. чудотворный образ оказывается в Риге.

Теперь её хранителями становятся Иоанн и Сергей Гарклавсы – отец и сын.

Позади Чехословакия и Западная Германия.

И Атлантический океан.

С 1950 г. икона находится в Свято-Троицком соборе в Чикаго.

В 1982 г. архиепископ Чикагский и Миннеапольский Иоанн Гарклавс отходит к Богу.

Он препоручает сыну – вернуть икону на родину, когда там падёт большевизм. И восстановится Тихвинский Успенский монастырь.

В 2004 г. со слезами радости на глазах россияне встретили любимый образ.

Это было всенародное торжество!

Два года назад протоиерей Сергий Гарклавс принял российское гражданство. Он является духовником монастырской братии. Ему 87 лет.

1 июля 2014 г. в Тихвине прошёл праздничный вечер, посвящённый десятилетию возвращения иконы – в центре торжества находился отец Сергий Гарклавс.

Этот удивительный человек полон всклень христианской любовью.

Хор монастыря «Светилен» пропел ему: *Многая лета!*

Только так: *Многая лета!*

ВОЗВРАЩЕНИЕ

О. Сергию Гарклавсу

Из горестного странствия земного
На Тихвинку вернулась Божья Мать.
Как это упоительно и ново:
К стопам Её младенца припадать!

Куда ни глянешь – острия повсюду.
Шипы одни! Печали не минуть.
Ты к нам вернулась? Уподоблю чуду
Замкнувшийся на Севере Твой путь.

Молюсь Тебе в луче неизъяснимом,
На образ Твой святой не насмотрюсь –
И ясно вижу, как премирным Римом
Встаёт из праха праведная Русь!

1.07.2014. Тихвин

С о. Сергием Гарклавсом

ПРЕМИРНЫЙ РИМ

Эти стихи я написал в Успенском соборе, предстоя перед образом Тихвинской Богоматери.

Было так светло на душе!

Но вперебив радостному чувству во мне настойчиво звучали строки Владимира Соловьёва:

И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвёртому не быть.

Это парафраз пророческих слов псковского старца Филофея, произнесённых им в 1524 г. – в канун возвышения Московского царства: *«два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвёртому не быти».*

Рим Первый – латинский Рим, Рим Второй – Константинополь, Рим Третий – Москва.

Тихвинская Богоматерь сделалась в ту пору символом Третьего Рима.

Неужели Владимир Соловьёв прав в своей мрачной эсхатологии?

Всё моё существо сопротивлялось пессимизму поэта. И мне казалось: Богоматерь поддерживает меня в уповании лучшего.

Быть может, Святая Русь возродится – вопреки провиденью Филофея – *как четвёртый Рим?*

Соответственно и сложилась предпоследняя строчка:

И ясно вижу, как четвёртым Римом…

Не то!

Совсем не то!

Как точнее выразить свою надежду?

И вдруг мне показалось, что я слышу некий голос – одновременно и волевой, и ласковый:

– Счёт пресёкся.
Это будет премирный Рим в дольних стенах.

Значит – непреходящий!

Значит – победивший силы распада!

Значит – оказавшийся за чертой земного исчисления!

Но ведь не истаявший в чистый дух – не бесплотный: *дольние стены* удерживают в своих границах осветлённое тварное бытие.

Не Преображение ли это?

Не оно ли пробрезжило в Тихвине?

Бог и человек – вечность и *время – дух и плоть:* Православие берёт их в единой связи.

В гармонии!

Небо можно перенести на землю – землю можно поднять в небо.

Это призвана сделать Россия?

В этом суть неисповедимо услышанного?

Упаси меня Господи от искуса.

Пусть в стихах заговорила моя субъективность, не больше того, но её глубокие слои всколыхнулись благодаря тому, что я находился рядом с Богоматерью – здесь, в Тихвине. Сомневаюсь в том, что мог сам по себе найти эти слова – было какое-то веянье.

Скажу смиренно и благодарно: это моё личное чудо – мой скромный опыт того, что похоже на касание благодати. Осенило, озарило! Присутствие высшего ощущалось тогда со всей непосредственностью.

Подобные чувства переживают в Тихвине многие паломники.

Они у меня отлились в стихи.

ТИХВИНСКАЯ ИКОНА В ПСКОВЕ

Мы всё чаще и чаще подменяем Божий Суд.

Ты находился под немцами?

Всё: ты *предатель.*

Или *коллаборационист.*

Можно ли эти уничижительные ярлыки наклеить на митрополита Сергия Воскресенского (1897–1944)?

Это он организовал Псковскую духовную миссию.

Это он опекал Тихвинскую богоматерь во время её немецкого пленения.

Владыка прекрасно знал советскую жизнь.

Он редактировал Журнал Московской Патриархии с четвертого номера 1931 г. до его закрытия в 1935 г.

8 октября 1937 г. стал управляющим делами Московской Патриархии с возведением в сан архиепископа.

А в 1940 г. – пакт Риббентропа-Молотова получил геополитическую реализацию – был хиротонисан в митрополита Виленского и Литовского. С 24 февраля 1941 г. – Патриарший экзарх Прибалтики.

Чекисты вырезали на Псковщине всё священство.

Мы будем вменять в вину митрополиту призвание замены из Риги и Нарвы?

1 января 1942 г.

Нацисты передают икону, вывезенную из горящего Тихвина, в псковский Троицкий собор.

Идёт служба.

Протоиерей Георгий Михайлович Бенигсен (1915–1993), выдающийся проповедник, прославляет в присутствии немцев подвиг Александра Невского, когда-то освободившего эти земли от ливонцев.

Так было дело.

28 апреля 1944 г. митрополит Сергий Воскресенский – на пути из Вильнюса в Ригу – был расстрелян гестаповцами.

Лжепатриоты пролили много грязи на богоугодное дело. Но я доверяю не им, а Патриарху Алексию II, сказавшему такие слова: *«С благодарностью в сердце мы вспоминаем самоотверженное служение тружеников Миссии, к нашей глубокой скорби, для большинства их ревностные труды во славу Божию завершились трагическими репрессиями, обрушившимися на них».*

21 ноября 1943 г. в Пскове прошёл грандиозный крестный ход – во главе шествия мы видим Тихвинскую Богоматерь. Есть непреложные свидетельства: несколько калек в тот день навсегда расстались со своими костылями.

За пребыванием чудотворного образа в Пскове пристально наблюдал Борис Андреевич Филистинский (1905–1991), заместитель редактора местной газеты «За Родину».

Мы знаем его как Б.А. Филиппова.

Это великий литературовед – знаток *серебряного века.*

Под его эгидой вышли на Западе первые собрания сочинений Бориса Пастернака, Николая Гуми-

лёва, Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Николая Клюева, Евгения Замятина.

Он был прекраснейшим и поэтом, и прозаиком.

Я сделал его публикацию в журнале «Север». Как Борис Андреевич радовался ей!

У нас была большая переписка. Она длилась до последних дней его жизни.

Письма лучатся умом, добром, смирением.

И этого человека называют *русским Менгеле?*

Утверждают, что он лично делал инъекции *скополамина?*

Этот алкалоид можно получить на основе белены. Его ещё называют *«сывороткой правды»* – вот что на этот счёт сообщает Википедия: «*В 1942 году руководитель секретной лаборатории НКВД СССР Г. Майрановский, занимаясь опытами с ядами на приговорённых к расстрелу, обнаружил, что под влиянием определённых доз препарата подопытный начинает исключительно откровенно говорить. После этого, с одобрения руководства, он занялся «проблемой откровенности» на допросах. Такие опыты проводились в течение двух лет».*

Г. Майрановский – вероятность большая, Б.Филиппов – вероятность ничтожная.

Надо проверять факты.

Жертва Гулага, Борис Андреевич действительно люто ненавидел большевизм – но нам ли вменять ему в вину ожесточение?

Процитируем одну из псковских статей Филистинского-Филиппова: «*Мы знаем, что не все ещё и не до конца научены большевизмом понимать, что такое большевизм. Но огромные массы сдвинулись, – и слышится снова на многих просёлках Руси древнее:*

«О, русская земля! Уже за шеломянем еси».

Как в половецкие и татарские времена, когда спасались от злых ворогов, снова скрипят по дорогам возы, мычит скот, и детвора облепляет тяжело нагруженные домашним скарбом телеги…

Нет, не победит и ныне Руси чингисов стан советчины!»

Теперь приведём отрывок из его позднего интервью – речь идёт о псковской газете «За Родину»:

– А тон газеты был какой?

– Тон газеты был в общем, я бы сказал, сначала пронемецким, и газета не шла. Потом на «русский тон». Тщательно старались избегать антисемитских и пронемецких выходок и так далее… Старались делать газету или русской, или – в крайнем случае – нейтральной. Насколько это было возможно.

6 июня 1995 г. прокуратура Санкт-Петербурга полностью реабилитировала Б. А. Филиппова. Тем не менее против него в Интернете развязана новая кампания. Антибольшевизм сегодня отождествляют с фашизмом? Тревожный симптом!

Коллаборационистом недавно объявлен и Ростислав Владимирович Полчанинов. Это главный скаут Русского зарубежья. Ему 95 лет. В Пскове он полюбил советскую девушку Валентину Петровну Наумову. Они поженились.

Ростислав Владимирович подарил мне много эмигрантских изданий. Наша Публичная библиотека устроила специальную выставку. Она имела большой успех у читателей, получила добрые отклики в прессе.

Право, рядом с Тихвинской Богоматерью в Пскове были совсем не злыдни – Ей молились хорошие русские люди. И Она помогла им – помогла всей России.

Тихвинская Богоматерь из собрания Музея Русского Севера. Вот важнейший признак этого образа, отличающий его от других Одигитрий: правая ножка младенца обращена к нам пяткой

ИКОНА ИЗ НАМОЕВА

Вся моя творческая жизнь связана с карельской деревней Намоево. Там в 1967 г. родители купили старый крестьянский дом. Захламлённость в нём была ужасная. В одной из комнат мешки с окаменевшими минеральными удобрениями громоздились почти до потолка. Было много всякого железа, ветоши и т.п.

Я долго разбирал завалы.

И вот однажды среди них показалась чёрная доска.

Неужели икона?

Какая?

Намоево подарило мне образ Тихвинской Богоматери.

Никто у меня не отнимет право рассматривать это как своего рода благословение.

Люблю Русский Север, осенённый Приснодевой.

МАТРОНА МОСКОВСКАЯ И о. СЕРГИЙ ГАРКЛАВС

На сложных жизненных путях о. Сергия Гарклавса сопровождает икона св. Митрофана Воронежского.

Это дар ему от Блаженной Матроны Московской.

Нет, лично с нею о. Сергий не встречался – образ получен опосредованно: через митрополита Сергия Воскресенского.

– А раз уж ты ко мне пришёл, – добавила Матронушка, – то вот тебе икона Митрофана Воронежского. Но икона эта не тебе, она для другого Сергия.

Это цитата из книги о. Сергия Гарклавса «Под сенью Тихвинской иконы».

Матрона предсказала митрополиту Сергию скорую смерть.

Владыка не скрывал своей удручённости.

Иоанн и Сергий Гарклавсы утешали и обнадёживали его.

Но прорицание сбылось.

В расстрелянной машине находился портфель экзарха с образом Митрофана Воронежского.

Преемником убиенного стал епископ Иоанн Гарклавс.

– Я думаю, Серёжа, – сказал владыка, – что должен передать этот образ тебе. Видно, промысел в том Божий, что он к нам явился. Не зря экзарх при тебе сказал, что Матронушка икону не ему, а другому Сергию предназначала. И предки у тебя из Воронежа, и сам ты воронежский. Так что храни эту икону и живи по примеру Митрофана Воронежского. А также дорогого экзарха нашего, через которого образ к тебе пришёл.

Как прозорлива Матронушка!

Её дар оказался воистину провиденциальным – пусть не сразу, но это будет понято. Всенепременно!

Ведь чем отмечено служение Митрофана Воронежского? Его поддержкой Петра I, который пробивал окно в Европу – сближал Россию с Западом.

Сегодня Петрово дело не в чести.

Антизападнические и антиамериканские настроения у нас зашкаливают.

Можно не принимать политику США – но позволительно ли это неприятие переносить на американский народ?

Вселенскость соприсуща Православию.

Для него нет ни иудея – ни эллина – ни немца – ни афроамериканца.

Христианская любовь едина и неделима.

О. Сергий Гарклавс прошёл через Запад.

Прошёл вместе с Тихвинской иконой!

На своей спине много вёрст юноша Сергей нёс её по Европе.

Потом доставил в Америку, где она была принята с благоговением.

То, что могло погибнуть на Востоке – спас и сохранил Запад. Тихвинская Богоматерь выполнила ещё и миссию их сближения. Наши потомки поймут это со всей непреложностью.

Не забудем, что Тихвинская Богоматерь двигалась на Запад вместе с Митрофаном Воронежским.

Знаменателен их небесный союз!

Вспомним: Пётр I развернул в Воронеже кораблестроение – и верфь, и суда строились с учётом новейшего европейского опыта.

Приветствуя эту учёбу у Запада, владыка Митрофан твёрдо и нелицеприятно говорил Петру I о разумной *мере вестернизации* – она не должна размывать *русскости.* Не должна нивелировать нашу культуру!

Пётр I внял Митрофану.

Ну да, в Петербурге первенствовал Доменико Трезини – но одновременно в Кижах возводилась Преображенская церковь.

Была найдена тонкая гармония *своего и чужого*.

Чужое становилось *своим* – ассимилируясь, перерабатывалось.

Сколь актуален этот пример сегодня!

Как жизненно важен образ Митрофана Воронежского!

Можно оставаться в доску русским, любя при этом обретения Запада.

Человеком такого синтеза был Дмитрий Сергеевич Лихачёв.

Рядом с ним вижу Иоанна Шаховского, архиепископа Сан-Францисского и Западно-Американского (1902–1989).

Обоим органически был чужд национализм.

Думается, что и о. Сергию Гарклавсу близка именно такая *русскость* – она пуста *без всемирной отзывчивости* (Ф.М. Достоевский).

Далеко смотрела Матронушка, совершая своё дарение.

ЧАСТЬ II.
СВЯТИТЕЛЬ ИГНАТИЙ БРЯНЧАНИНОВ И АЛЕКСАНДРО-СВИРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

1. Юный офицер Дмитрий Брянчанинов впервые встретил о. Леонида – будущего старца Льва Оптинского – на подворье Валаамского монастыря в Санкт-Петербурге. Притяжение этой личности оказалось неодолимым. Всё пошло побоку: диплом престижнейшего Военного инженерного училища – успешное начало службы в Динабургской крепости – блестящая карьерная перспектива.

Не сразу Николай I удовлетворит прошение об отставке.

И всё же пойдёт навстречу духовному порыву своего любимца.

Спустя много лет – 24 декабря 1863 года – в дневнике епископа Игнатия Брянчанинова, удалившегося на покой в Николо-Бабаевский монастырь, появится такая запись: *«Сейчас должна быть у меня всенощная. В эти часы, в 1827 году, я прибыл в Александро-Свирский монастырь на жительство, прямо из офицерского мундира»*[1].

Незабвенное!

Священное для сердца!

Первичное – исходное – начальное!

Назвать это своего рода *импринтингом?*

Наисильнейшим *впечатлением бытия,* направляющим всю дальнейшую жизнь?

Северная обитель поставила молодого послушника на крыло.

Здесь он стал воспреемником великой традиции.

Святая гора Афон – Паисий Величковский – Феодор Свирский – о. Леонид – Игнатий Брянчанинов: по этой прямой линии – от лица к лицу – передавался бесценный исихастский опыт.

Шло восстановление *умного делания* на Руси.

Александро-Свирский монастырь сыграл в этом процессе ключевую роль.

Игнатий Брянчанинов (Ирина Гайдук, 2012)

2. Неисповедимы пути Господни.

Думая о судьбе святителя Игнатия, неизбежно ставишь два вопроса:

– Почему он так быстро оставил полюбившуюся ему обитель?

– Если причиной тому являлась крепчайшая духовная связь с о. Леонидом, то отчего тогда ученик не последовал сразу вслед за учителем из Площанской пустыни в Оптину – а потом, околично всё же дойдя до неё, не остался в ней?

На первый вопрос отвечает Михаил Васильевич Чихачёв, друг святителя: решение было принято *«после видения, бывшего от Св. Александра Свирского, который сам отвёл Димитрия Александровича за руку от раки своих мощей, как бы возвещая ему волю Божию оставить это место»*[2].

Промыслительное водительство!

Нетрудно представить Дмитрия Брянчанинова в кругу оптинских старцев. Быть может, он носил бы другое монашеское имя – привычное нам получил 28 июня 1831 года, когда был пострижен епископом Вологодским Стефаном.

Старцы в монастырях – и *настоятели* монастырей: как показывает история русского иночества,

определённые диссонансы между ними имеют тенденцию воспроизводиться.

Никак нельзя сказать, что Лев Оптинский, прославивший обитель, всегда находил там полное понимание.

Холодно приняла Оптина молодого Дмитрия Брянчанинова. Тем не менее влечение к ней было огромным – в глазах святителя это был лучший монастырь России. Здесь он намеревался кончить свои земные дни. Этим серьёзно озаботился летом 1856 г. Была предварительная договорённость. Даже 200 рублей загодя перечислил на ремонт келлии. Однако в конечном итоге – по словам Леонида Соколова – начальство Оптиной *«устрашилось принять в свою среду»* именитого архимандрита[3].

Заметим, что схожая коллизия привела к тому, что о. Феодор и о. Леонид вынуждены были в 1817 г. оставить Валаам, направив свои стопы к Александру Свирскому.

Там о. Феодор почил в 1822 г. Прибывший сюда через пять лет Дмитрий Брянчанинов – стараниями о. Леонида – приобщился к духовному наследию старца. В Александро-Свирском монастыре было начато, а в Площанской пустыни закончено «Житие схимонаха Феодора» – первое произведение Дмитрия Брянчанинова.

Автору шёл 22-й год.

3. В ретроспективе понятна провиденциальность случившегося: афонская ветвь в 1828 г. дала развил – один побег потянулся в Оптину пустынь (о. Леонид), а другой – в направлении Северной Фиваиды (Дмитрий Брянчанинов). В четырёх её монастырях будущий святитель углублял навык *умной молитвы.*

Назовём эти монастыри:

1. *Кириллов Белый Новоезерский монастырь*
2. *Семигородная Успенская пустынь*
3. *Глушицкий Дионисиев монастырь*
4. *Лопотов Григориево-Пельшемский монастырь.*

Первую из этих обителей некогда посетил Никифор Важеозерский – посланник Александра Свирского.

Значительнейшая параллель!

В последней мы застаём уже не Дмитрия, а Игнатия – здесь он рачительный игумен.

Митрополит Филарет обращает на него внимание.

Принимается решение: поставить Игнатия во главе Николо-Угрешского монастыря – это Москва.

Начинаются сборы.

И вдруг – судьбоносное вмешательство Николая I: поручить Игнатию восстановить пришедшую в упадок Троице-Сергиеву пустынь под Петербургом.

Начинается самый плодотворный период в жизни святителя.

Как благочинный, он опекает следующие киновии:

1. *Валаамский Спасо-Преображенский монастырь*
2. *Введенский Островский монастырь*
3. *Коневский Рождественский монастырь*
4. *Староладожский Николаевский монастырь*
5. *Староладожский Успенский монастырь*
6. *Троицкий Зеленецкий монастырь*
7. *Черменецкий Иоанно-Богословский монастырь.*

Соединим два списка.

Мы видим: одна личность осеняет огромное пространство – задаёт Северной Фиваиде новый масштаб. Расширяет её! Сегодня это понятие – помимо исконной Вологодчины – охватывает и Поморье, и Колу, и Карелию, и Обонежье, и Приладожье. Перед нами – в аспекте монастырской жизни – единый ареал: духовно однородная территория, где в качестве интегрирующего начала выступает исихастская практика.

В России нет аналогий этому феномену.

Особый ореол над Русским Севером зажгли ученики Сергия Радонежского.

Игнатий Брянчанинов поддержал и усилил неглаголемое сияние.

4. Вот принципиальное – для нас главенствующее: в исихазме для Игнатия Брянчанинова очень и очень важен эстетический момент – выход через умную молитву к предвечным основам прекрасного.

В «Слове о молитве Иисусовой» читаем: *«Художественное делание умной молитвы изложено с особенной ясностью и полнотой блаженным Никифором, иноком, безмолвствовавшим в святой Афонской горе. Справедливо называет он молитвенное делание художеством из художеств»*[4].

Речь идёт о Никифоре Уединённике, прямом предшественнике Григория Паламы – преподобный подвизался на Афоне во времена императора Михаила VIII. Составленное им «Слово о трезвении и хранении сердца многополезное» ставит перед безмолвником задачу *«восприять сердечно в чувстве пренебесный огнь»*[5].

Было: *вне тебя* (освещало вечность) – стало: *в тебе* (осияло сердце).

Искомая красота – цель внутреннего художества – видится *огнезарной.*

Вспомним *пламенеющие* иконы Софии.

Вспомним замечательную дефиницию, которую даёт Павел Флоренский: *«София есть Красота»*[6].

Владимир Соловьёв – классик русской софиологии – провидит:

И под личиной вещества бесстрастной
Везде огонь божественный горит.

Это созвучно исихастским озарениям.

Явление Святой Троицы Александру Свирскому произошло на фоне *пренебесного огня* – точнее, в самом этом огне, охватившем и душу подвижника, и его окружение. Обнаружилась относительность – или амбивалентность – внешнего и внутреннего.

Игнатий Брянчанинов цитирует Исаака Сирина: *«Постарайся войти в клеть, которая внутри тебя, и увидишь клеть небесную. Та и другая – одно: одним входом вступишь в обе. Лествица к Царству Небесному – внутри тебя: она устроена таинственно в душе твоей»*[7].

Две клети – та, что в тебе, и та, что в небе – могут совпасть.

Не это ли произошло на берегу Рощенского озера?

В *«Приношении современному монашеству» Игнатий Брянчанинов цитирует слова, которые Максим Капсокаливит некогда обратил к Григорию Синайскому: «Ум человеческий, сам собою, не будучи соединён с Господом, рассуждает по силе своей. Когда же соединится с огнём Божества и Святым Духом, тогда бывает весь обладаем Божественным Светом, соделывается весь светом, воспаляется в пламени Всесвятого Духа»*[8].

Это о *синергии* в её максимуме.

Впрочем, для истинного исихаста тут нет градаций – он изначально ставит перед собой экстремальную цель: целокупное и совершенное воссоединение с Богом. Оно видится как своеобычное *воспламенение.*

К Александру Свирскому мы вправе отнести слова апостола Павла: *«будете духом горящее».* Вероятно, в степени этого горения святой достиг той качественной меры, когда её превозможение напоминает Преображение – становится сравнимым с Фаворской вспышкой.

Теофания на Рощенском озере может быть адекватно понята только в исихастском контексте.

Как тут обойтись без паламитских интенций?

В 1508 г. на реке Свирь Бог явился человеку в сполохах нетварной энергии.

Это событие соотносимо не только с тем, что произошло под сенью Мамврийского дуба, но и с мистерией Фавора.

В «Добротолюбии» Григорий Палама сочувственно цитирует Нила Синайского: *«состояние ума настоящее есть мысленная высота, цвету небесному подобная, в которую во время молитвы присещает и свет Святые Троицы»*[9].

Исихасты задолго до той великой теофании, которой удостоился Александр Свирский, умели выходить на Святую Троицу – лицезрели её в глубинах своего духа. Конечно же, они выводили явленный им нетварный свет наружу, напитывая благодатью всю окрестность. Не зря же мы говорим о святых местах, обильно *намоленных* нашими старцами. Заряда хватит на многие поколения. Может, до скончания времён. Однако тут ещё нет качественного перехода, которым отмечен опыт Александра Свирского – когда в полноте *синергии* троичный Бог решительно снимает границы между *эндо-* и *экзо-:* тем, что в человеке – и тем, что вне человека.

Житие свидетельствует: Святая Троица предстала Александру Свирскому в пределах его утлой келлии. Игнорирует ли иконография эту подробность, вынося чудо на открытый простор – прямо в олонецкий лес? Скорее мастера интуитивно угадывают мнимость всех пространственных представлений в условиях чуда.

На иконе из собрания Государственного музея-заповедника «Коломенское» мы видим совершенно необычное освещение. Впечатляет не только его интенсивность, но и невозможность локализовать источник – где он?

Хочется сказать: *всюден!*

Или – *трансцендентен.*

Однако в нашем контексте это одно и то же.

Необычная по цвету крыша келлии как бы предваряет *красные дома* русского авангарда (А.Г.Явленский, О.В. Розанова, К.С. Малевич и др.).

Свет упал на крышу *извне*?

Или пронизал её *изнутри*?

Оригинал жития содержит эстетическую оценку события: *лепа же зило* – и свидетельствует о силе освещения: *слава небесная неисповедимая.*

Лепота теофании – и её зашкаливающая *яркость:* это коррелирует в восприятии чуда.

5. Явление Святой Троицы Александру Свирскому было предуготовлено его огромной внутренней работой над собой.

Воистину: деялось *художество из художеств*!

Испытанным инструментом стала *умная молитва*.

Александр Свирский совершенствовал по *законам красоты* свою личность.

Это самотворчество – казалось бы, скрытое от взгляда – разнообразно проявляется вовне. Достаточно вспомнить о том, как преображается ли-

цо святого – оно становится своеобычной иконой Софии: лучится благодатью.

Но вот не менее значимая проекция этой глубинной работы: сам дух монастыря – организация его среды – творимая в нём вполне вещная, предметная красота.

Творения Андрея Рублёва – тоже такая проекция.

С икон и фресок художника на нас глядят преображённые люди.

Предельное утончение нашей материальной природы!

Божий замысел человека, искажённый грехопадением, восстанавливается в своей чистоте.

Дар любви всемерно содействует этому высветлению. Очень красиво он себя выражает в узах братства, связующих святых, – весьма значим для православия феномен *священных двоиц*: когда один святой неотделим от другого. Потому и почитаются они совместно.

Пётр и Павел, Косма и Дамиан, Кирилл и Мефодий, Борис и Глеб, Антоний и Феодосий, Сергий и Никон, Зосима и Савватий: что ни пример – то дивное созвучье.

Архимандрит Макарий (Веретенников) считает, что в этот ряд надо ввести ещё одну пару: преподобного Александра Свирского и святителя Макария Московского[10].

Приведём некоторые даты.

В 1526–1542 гг. Макарий был архиепископом Новгородским и Псковским. Александро-Свирский монастырь находится в его подчинении. Владыка благоволит игумену. Между ними устанавливается сердечное взаимопонимание.

1526 г.: архиепископ, только что прошедший интронизацию, освящает новый Троицкий собор в подопечной ему обители – теперь это не деревянное, а каменное сооружение.

1560 г.: Макарий – уже митрополит – освящает церковь Александра Свирского, входящую в состав собора Покрова на Рву.

Сопоставим две этих даты – два этих освящения: между ними совсем небольшой промежуток времени. Сколь же стремительно растёт слава свирского чудотворца!

Святой преставился в 1533 г.

В 1545 г. по почину Макария игумен Иродион Кочнев пишет его житие.

В этом же году в Иосифо-Волоцком монастыре – Макарий был верным последователем его основателя – появляется первое иконописное изображение святого.

1547 г. – Александр Свирский канонизирован.

В период с 1547 по 1555 г. для кремлёвского Успенского собора создаётся большой – 1313х1768 – образ Александра Свирского. В нём 129 клейм. Три из них посвящены явлению Троицы.

В иконографию – с её устойчивыми вековыми традициями – вводится новый сюжет.

Когда бы это произошло во времена Феофана Грека!

Золотой век русской иконописи был уже позади. В ней назревали кризисные явления, вызванные прежде всего тем, что через Псков и Новгород стали просачиваться западные влияния, расшатывавшие канонические установления.

Чудо Александра Свирского – в его преломлении иконописью – не привело к появлению шедевров. Тем не менее освоение этой темы крайне интересно в аспекте наметившегося тогда эволюционного перелома, расколовшего изографов на два лагеря – ревнителей старины и сторонников модернизации.

Два явления Святой Троицы: Аврааму и Александру. Различие между ними разительно: первое – буднично, второе – чрезвычайно. Следует признать: наша иконография по сути нивелирует эмоциональные уровни этих событий. Практически мы не замечаем резкого перепада между ними. Да, Александр рухнул на колени – и первый ангел упредительно помогает ему подняться: сейчас всё войдёт в норму.

Зададим чисто спекулятивный вопрос: как бы этот сюжет переработало барокко? Можно попытаться вообразить соответствующую чуду экспрессию письма – с массой внешних эффектов, экзальтацией в позах и т.п.

Однако на Руси мы не наблюдаем даже самых робких поисков в этом направлении.

Как смело русская иконопись развивала тему огненного восхождения пророка Ильи!

Здесь нет ничего подобного.

Почему?

Частичный ответ мы найдём в прениях между митрополитом Макарием и дьяком Иваном Висковатым на соборе 1553–1554 гг. – противоборствующие стороны задели самые сокровенные, воистину сущностные проблемы иконописи.

Вот чёткие дихотомии, восходящие к Иоанну Дамаскину, – от них в своём философствовании отталкивается Иван Висковатый: *«созданное и несозданное, видимое и невидимое, страдалное и нестрадалное, описанное и неописанное»*[11].

Предметом иконописи должны быть лишь первые части данных оппозиций.

Антитезы к ним табуируются.

Саваоф, София, Святая Троица, ангельский мир: в глазах дьяка вся эта тематика была сомнительной.

Митрополит Макарий резко возражал против такого ограничения иконописи. В отличие от архиепископа Геннадия – москвича, некогда заняв-

шего новгородскую кафедру и насаждавшего на ней столичный консерватизм – он более терпимо относился к подвижкам в развитии иконного письма, которые предопределялись отнюдь не раболепным, но всё же несомненным усвоением уроков Запада. Такое было при Макарии: московские иконописцы подчас оставались без работы – митрополит покровительствовал Пскову и Новгороду. Приглашённые оттуда мастера писали иконы для Благовещенского собора в Кремле, пострадавшего в 1547 г. от пожара – старое и новое сильно разнилось.

Это было: *икона-молитва.*

Это стало: *икона-размышление.*

Существенное преобразование!

Меняется сам характер иконописи – теперь она больше взывает не к первичному религиозному чувству, а скорее к *ratio.*

Задача достоверного следования первообразу теряет силу императива. Наоборот: расширяется и обогащается символизм – на его языке изографы всё смелее говорят как раз о *несъзданном, невидимом, нестрадалном, неописанном.*

Митрополит Макарий в целом поддерживает эти перемены. Хотя в радикализме его никак нельзя заподозрить.

Ясно, что покровитель Александра Свирского не вспоминает про явление Святой Троицы на Свири, когда даёт иконописцу вполне обычное предписание: *«божественным существом невидима, и не описуется, и не воображается, а как явися святому Аврааму мужеским зраком, в трёх лицах по человечьству, так живописцы на святых иконах в трёх лицах с крилы написуют по аньгильскому образу»*[12].

Сам имевший уверенный навык в иконописании, Макарий вряд ли оставил без своих советов написание образа Александра Свирского для Успенского собора – может, где-то и лично приложил намётанную руку. Но вот житие – а вот образ: при трансляции от первого ко второму теряется светоносность события.

Где белые одежды ангелов?

Где превосхождение Солнца их ликами?

Изобразительный арсенал для передачи высших реалий имелся. Но церковная живопись всё отчётливей вступала в стадию специфического *заземления* – натурализм начал брать верх над мистицизмом.

Тускнела палитра.

Условно-плоскостное переходило в реально-объёмное.

Задумывались ли тогда о возможности раскрыть и передать исихастскую коннотацию свирской теофании? Клейма, посвящённые явлению Святой Троицы, выделяются из общего фона колористически: бросается в глаза яркая киноварь.

Но это всё.

Задним числом почему-то ожидаешь большего.

При всей своей субъективности, наши наблюдения отражают серьёзные метаморфозы в духовном развитии Руси.

Скоро среди иконников утвердится парадигма Симона Ушакова.

А исихастская линия прервётся вплоть до Паисия Величковского.

Вот классический исихазм – то, что исповедовалось Александром Свирским: *«если в то же время ума твоего не будут обымать духовные созерцания просветительного ведения и познания сущего, коими окрыляясь и просвещаясь, стремительно возвышался бы он горе, в истинной, всецело любовью дышащей, молитве, к родственным ему светам вышних невещественных чинов, а от них, сколько доступно, к великому возносился бы свету, к тресолнечной Богоначальной Троице»*[13].

Нечто очень близкое этим словам преподобного Феогноста – чуть ли не их парафраз – мы находим в акафисте Александру Свирскому: *«Радуйся, причастниче огнезрачного Трисолнечнаго сияния»*[14].

Три Солнца над Рощенским озером!

Далеко распространялись их лучи.

В 1518 г. Александр Свирский – по внушённому свыше наитию – отправил инока Никифора в Новоезерский монастырь: на встречу со старцем Кириллом. Вот как завершилось их общение: «*Оному же преподобному Кириллу проводившу старца в лодницы в мале и отпустившу его с миром и на том месте преподобный Кирилл постави крест, идеже видеша свет велий осия их»*[15].

Этот *свет велий* сохранял свою силу и после кончины святого. Игумен Иродион Кочнев, автор его первого жития, оставил ещё и такой текст: «Сказание о явлении преподобнаго отца нашего Александра Свирского Чюдотворца и иже с ним во святых отца нашего Макария Митрополита Московского и всеа Росии, како приидоша церковь священати святаго Николы». Вот как автор описывает своё видение: *«абие явися внезапу в оконце келлии свет велий сияющ. Аз же воспрянух, и преклонихся ко оконцу, видети хотя: и видех лучу некую велию сиящу по всему монастырю, и от церкве святыя Богоматере честнаго ея Покрова видех грядуща преподобнаго отца Александра по монастырю круг церкви Святыя Троицы»*[16].

Сильное впечатление производит на нас то обстоятельство, что почивший Александр Свирский является в неглаголемом свете вместе со

здравствующим митрополитом Макарием – пространство-время видения никак не соотносится с физической реальностью.

Священная бинарность – заимствуем этот термин у архимандрита Макария (Веретенникова) – заявляет себя поверх всех разделений дольнего мира.

6. Ивана Висковатого смущало изображение Святого Духа *«в птичьем незнаеме образе»*[17]. Мы находим его в *Новозаветной Троице*. Сюжет известен и под названием *Сопрестолие*. Впервые он встречается в известной четырёхчастной иконе из Благовещенского собора *(«И почи Бог в день седьмый», «Приидите, Трисоставному Божеству поклонимся», «Во гробе плотски», «Единородный Сыне и Слове Божий»).* По заказу протопопа Сильвестра – а это был ближайший сотрудник митрополита Макария – её написали псковские мастера.

Самый западный город Руси не был экранирован от культурной жизни Европы. Иван Висковатый в этой его открытости видел угрозу для чистоты православного мышления. Вот оценка, данная дьяком иконе псковичей: *«латинские ереси мудрование»*[18].

Спустя три века абсолютно схожие упрёки услышит К.П. Брюллов.

Тот же Л.А. Успенский прямо назовёт его *«римокатоликом»*[19].

В 1840 г. Карл Павлович создаст храмовый образ для Троицкого собора в Троице-Сергиевой пустыне.

Заказчиком выступит святитель Игнатий Брянчанинов.

Это будет *Новозаветная Троица* – наследница иконы, оказавшейся в центре дискуссий на соборе 1553–1554 гг. Митрополита Макария и Игнатия Брянчанинова сближает определённая толерантность по отношению к новым веяниям в искусстве. Оба любили икону древнюю, каноническую. Однако будто чувствовали: нельзя силой запрета воспрепятствовать изнутри обусловленному развитию искусства.

Даже если это развитие хотелось бы направить по другому руслу!

Если не остановить вовсе – на пике достигнутого совершенства.

Игнатий Брянчанинов пишет К.П. Брюллову о том, что нездоровье имело для него свой позитив: *«религия вместе с тем обратилась для меня в поэзию и держит в непрерывном чудном вдохновении, в беседе с видимым и невидимым мирами, в несказанном наслаждении»*[20].

В таком доверительном ключе можно писать только большому другу.

Четырёхчастная икона Благовещенского собора Московского Кремля. Включает сюжет «Сопрестолие»

Тёплые отношения связывали монаха-аскета и художника-гедониста.

Отдавая должное огромному дарованию К.П.Брюллова, настоятель Троице-Сергиевой пустыни нелицеприятно говорит о светском характере его религиозной живописи – относясь к ней терпимо, всё же отвергает её сердцем: *«Картина, которая бы решительно удовлетворила вас, должна быть картиною из вечности». И ещё: «Всякая красота, и видимая, и невидимая, должна быть помазана Духом, без этого помазания на ней печать тления»*[21].

Обратим внимание: в наших цитатах из Игнатия Брянчанинова дважды присутствует оппозиция *видимое – невидимое.*

Она фигурирует и у Ивана Висковатого.

Вокруг этого противоположения завязывается самая напряжённая – доселе не теряющая своей остроты – антиномия иконописания.

Вправе ли изограф писать *бесплотное?*

Или только *воплотившийся* Бог – в чём был уверен Иван Висковатый – доступен изображению?

Митрополит Макарий упрекал учёного дьяка в *галатской ереси.*

Александро-Свирский монастырь. Литография. Над ансамблем парит Святая Троица («Сопрестолие»)

Это фигура красноречия – такая ересь неизвестна.

Отталкиваясь от «Послания к галатам» апостола Павла, Макарий сближает Ивана Висковатого с иудео-христианами, которые категорически отказывались признать возможность и образного, и символического представления Бога.

Похоже на *апофатику* в её эстетическом измерении!

Невещественно = невидимо = неизобразимо.

Проблема решается разнообразно: от полной агностической капитуляции, отрицающей иконопись как заблуждение – до мажорной убеждённости в том, что на визуальный план всё-таки можно, хоть и с оговорённой толикой условности, вывести самое сокровенное.

О тотальности зрительного восприятия, характерной для платонизма, интересно рассуждал А.Ф. Лосев. Вспомним типичные для него выражения: *лик смысла – картина смысла – изваяние смысла.* Это ошибка: превращать идеи в абстрактные понятия – уводить их за черту восприятия. Глаз эллина видит *идеи*. Они суть *виды*. Поэтому являются предметом эстетического созерцания.

Православная мысль издревле тяготела к платонизму. Он процвёл и на русской почве.

Вызовем в памяти «Афинскую школу» Рафаэля.

Платон, а не Аристотель!

Это выбор Царьграда.

Аристотель, а не Платон!

Это выбор Рима.

Митрополит Макарий рассуждает в духе цареградского предпочтения. Невидимый мир может быть проявлен.

Причём двояко: и через *непосредственное* откровение – и через *опосредование* символа.

Думается, что учение Игнатия Брянчанинова о тонкой эфирности душ и ангелов, вызвавшее принципиальные возражения со стороны Феофана Затворника, несёт в себе интенции платонизма, глубоко органичные для русской культуры.

Покоряет своей деликатностью – при остроте

Собор Иверской Богоматери. Николо-Бабаевский монастырь

разногласия – спор двух святителей, в чём-то изоморфный спору митрополита Макария и дьяка Ивана Висковатого.

Неявное Игнатий Брянчанинов хочет максимально приблизить к явному.

Феофан Затворник пытается умерить его порыв.

Вот резюме их значительнейшего диалога.

Феофан Затворник – письмо от 28.05.1865: *«с веществом, как его ни утончайте, духовные явления совсем не вяжутся»*[22].

Игнатий Брянчанинов – ответ от 4.06.1865: *«в собственном – невещественен Один необъемлемый пространством – Бог»*[23].

Кто прав в споре?

Думается, что перед нами пример дополнительности – две позиции отражают противоположные грани единой истины.

В письме Н.И. Флоринскому (1869 г.) Феофан Затворник идёт на некоторый компромисс, относя соображения Игнатия Брянчанинова к феноменальной выраженности естества: *«допустив оболочку – тонкую эфирную, получит форму и останется доволен»*[24]. Однако эта трактовка лишь укрепляет его в главном убеждении: *«Если невещественная Красота устроила душу по образу Своему, то, конечно, и душа невещественна: ибо иначе как она будет по Её образу?»*[25]

Заметим, что *форма* – понятие аристотелевское. Но мы знаем: оно близко платоновой идее – здесь философские системы учителя и ученика по сути конвергируют.

7. Все три иконографических типа Святой Троицы – *Ветхозаветная, Сопрестолие, Отечество* – говорят о Боге на языке символизма.

И говорят по существу!

Основополагающая мысль о нераздельности и неслиянности ипостасей передаётся весьма убедительно. Какая композиция приоритетна? Несхожие формально, они едины содержательно.

На старинной литографии показано: среди образов, проступивших в небе над Александро-Свирским монастырём, первенствует *Сопрестолие.* Открылась ли эта картина Дмитрию Брянчанинову? Бытие он воспринимал двупланово: в сопряжении видимого и невидимого.

Предрасположенность к символическому мировосприятию обнаруживается в душевном отклике юноши на северную весну. Впечатления были усилены на следующий год – Дмитрий встре-

чал Пасху уже в Площанской пустыни. Обновление природы он воспринял символически – как предвозвестие неминуемого одоления смерти.

Свои впечатления Дмитрий закрепил в двух эссе – «Сад зимой» и «Древо зимой пред окном келлии». Читаем в первом из них: *«Какое же учение прочитал я в саду? – Учение о воскресении мёртвых, учение сильное, учение изображением действия, подобного воскресению. Если б мы не привыкли видеть оживление природы весною, то оно показалось бы нам вполне чудесным, невероятным»*[26].

Александро-Свирский монастырь сам по себе исполнен глубокого символизма. Два его комплекса – Преображенский и Троицкий – будто парное созвучье: они полногласно рифмуют друг с другом два воспламенения, раздвинутых во времени: то, что случилось на Фаворе, – и то, которое прославило Свирь.

Трёхшатровая звонница монастыря естественно входит в круг тринитарных ассоциаций. Построенная в 1646–1648 гг., она имела другое завершение, утраченное во времена разора. Это появилось в результате реставрации 1969–1976 гг. Упрекнём архитектора А.И. Милорадовича в вольности? Но вот аргументы в его поддержку:

– деревянная звонница, предшествовавшая каменной, действительно была многошатровой – предложенным решением как бы восстанавливается преемственность между разными этапами в эволюции ансамбля;

– для времени, когда возводилась звонница, трёхшатровые храмы были широко распространённым явлением – Н.Ф. Гуляницкий правомерно усматривает в них архитектурную *символизацию Троицы*[27].

Такой символ вполне уместен в Александро-Свирском монастыре.

Красота обители всегда была особым попечением на Руси.

Внутренний мир настоятеля – и его отражение в образах зодчества: это большая тема.

Игнатий Малышев, воспитанник и воспреемник Игнатия Брянчанинова, вдохновлялся в своём ви́дении храма Спаса на Крови творением Бармы и Постника.

К этим легендарным именам правомерно добавить имя митрополита Макария.

За ним была инициатива – он осуществлял строгий надзор – в жизнь воплощалась его эстетика.

Стиль архитектурный – и стиль литературный: взаимно-однозначное соответствие тут невозможно. Но ассоциативные сближения могут иметь эвристическую ценность. Макарий создал особую школу письма – специалисты при её анализе совмещают два эпитета: *торжественный и витиеватый*. Пишут: *торжественно-витиеватый*[28]. Фактически оксюморон! А ведь он очень хорошо схватывает характер Покрова на Рву: его монументальность – и затейливость, величие – и причудливость.

Оба храма – и московский, и петербургский – вторят горнему Иерусалиму. Но дают ему русское наполнение.

Архитектурный облик Валаама – в своих самых главных и существенных чертах – всецело предопределён эстетическим вкусом Игнатия Брянчанинова.

Его проект!

Правда, при жизни до конца неосуществлённый – однако развивавшийся после кончины святителя в духе идеала, принятого им.

Архипелаг оставил неизгладимый след в душе Игнатия Брянчанинова. В письме к игумену Спасо-Преображенского Валаамского монастыря Дамаскину от 25 сентября 1855 г. святитель признаётся: *«Остаток дней моих желал бы провести в Валаамской обители; только в случае невозможности поместиться в ней имею в виду Оптину пустынь»*[29].

А вот что 12 июля 1847 г. из новгородского Юрьева монастыря Игнатий Брянчанинов пишет в родную Сергиеву пустынь – архимандриту Игнатию Васильеву: *«С колокольни посмотрел на Новгород и его окрестности. Здесь тихо отдыхает душа и тело; но ничто не отозвалось во мне поэтическим вдохновением, как то было на Валааме»*[30].

Поэтичен и философичен очерк святителя «Валаамский монастырь» (1847). Хочется в нём обратить внимание на следующие детали:

– сказано, что Александр Свирский *безмолвствовал* на Святом острове – читателю напоминают о его связи с исихазмом;

– перечисление рукописных книг монастырской библиотеки открывается именем Григория Паламы;

– подчёркнут универсализм Валаама – он сочетает все виды монашеской жизни: пустынничество – скитничество – общежитие.

Для осуществления своих архитектурных замыслов на Валааме святитель привлёк Алексея Максимовича Горностаева (1808–1862). Потом зодчий проектировал для Троице-Сергиевой пустыни. Два сакральных топоса обрели благодаря его таланту совершенно особые, сразу узнаваемые обертона.

Горностаевское!

Это умение приводить в тесное взаимодействие небесное и земное – дар превращать их в сообщающиеся сосуды.

Вариант *русского стиля,* созданный мастером, отмечен глубоким освоением национальных архетипов – зодчий вдохновлялся северной вышивкой, резьбой по дереву, книжным орнаментом.

Могилу А.М. Горностаева в Троице-Сергиевой пустыни увенчивает прекрасный белокаменный крест. На нём изображены основные постройки зодчего. Автор памятника – племянник Алексея Максимовича: Иван Иванович Горностаев (1821–1874).

Вот кто досконально знал русскую старину! Его художественно-исторические разыскания несут на себе печать высочайшего профессионализма.

Игнатий Брянчанинов предложил И.И. Горностаеву спроектировать для Николо-Бабаевского монастыря собор в честь Иверской иконы Божией Матери (1865–1877). Конечно же, зодчий чутко вторил – и при этом не поступался своей самобытностью – тому эйдосу храма, который прорисовался в душе святителя.

Это был унисон двух душ.

Быть может, подобный тому, который некогда соединил митрополита Макария с Бармой и Постником – художество вдохновлялось верой.

Покров на Рву – и Сергиева церковь, Спас на Крови – и Иверский собор: это очень разные сооружения, но всё-таки создаётся ощущение, что они находятся в одном формотворческом поле.

Что питает его?

Вселенская *русскость* – с её следованием жесту Платона: восходить к высшему – горнему – вечному – совершенному – прекрасному.

Примечание

1 Цит. по: Соколов Леонид. Святитель Игнатий. М., 2003. С.215.

2 Там же. Т. I. С. 81.

3 Там же. Т. I. С. 186.

4 Святитель Игнатий Брянчанинов. Сочинения. Т. II. Аскетические опыты. М., 1993. С. 284.

5 Добротолюбие. М., 1900. Т. V. С. 239.

6 П.А. Флоренский. Столп и утверждение истины. М., 1914. С. 351.

7 Святитель Игнатий Брянчанинов. Сочинения. Т. II. Аскетические опыты. С. 264-265.

8 Святитель Игнатий Брянчанинов. Сочинения. Т. V. Приношение современному монашеству. М., 1993. С. 65.

9 Добротолюбие. Т. V. С. 277.

10 Макарий (Веретенников), архимандрит. Преподобный Александр Свирский и святитель Макарий, Митрополит Московский // Альфа и Омега: Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. М., 1995. № 1 (4). С. 135-144.

11 Розыск или список о богохульных строках и о сумнении святых честных икон Диака Ивана Михайлова сына Висковатого в лето 7062 // «Материалы Славянские», Чтения в имп. обществе истории и древностей российских. 1858 г. Т. II. С. 4.

12 Там же. С. 22.

13 Добротолюбие. М., 1900. Т. III. С. 389.

14 Акафист преподобному и богоносному Александру игумену, Свирскому чудотворцу. СПб., 1876. С. 29.

15 Игумен Макарий (Веретенников)/ Преподобный Александр Свирский «новый чюдотворец» и русский подвижник XVI века. Богословские труды. Т.23. М., 1982. С. 324.

16 Житие, чудеса и служба преподобного и богоносного отца нашего Александра, Свирского Чудотворца. Изд. 3. М., 1888. С. 152-153.

17 Цит. по: Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. М., 1996. С 254.

18 Там же. С.259.

19 Там же. С.371.

20 Святитель Игнатий Брянчанинов. Полное собрание писем. Том I. М., 2011. С. 594.

21 Там же. С. 594.

22 Святитель Игнатий Брянчанинов. Полное собрание писем. Т. I. С. 159.

23 Там же. С. 260.

24 Там же. С. 263.

25 Святитель Феофан Затворник. Душа и ангел. М., 1997. С. 94.

26 Святитель Игнатий Брянчанинов. Сочинения. Т. I. Аскетические опыты. М., 1993. С. 177.

27 Гуляницкий Н.Ф. Освободительные идеи Руси в образах памятников архитектуры XVI – первой половины XVII века // АН.№ 32.М.,1984. С. 46.

28 Дробленкова Н.Ф. Макарий, митрополит Московский и всея Руси. В кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Часть 2. Л., 1989. С. 85.

29 Святитель Игнатий Брянчанинов. Полное собрание писем. Том I. С. 196.

30 Святитель Игнатий Брянчанинов. Полное собрание писем. Том I I. М., 2011. С. 298.

Шуерецкое. Фото В.В. Суслова. 1886 г.

В таком виде ансамбль запечатлел в 1916 г. – на пороге национальной катастрофы – Сергей Михайлович Прокудин-Горский

Часть III.
ШУЕРЕЦКОЕ

К Шуерецкому я отношусь пристрастно.
Ведь это почти моя родина –
до Сороки рукой подать.
Сегодня делаются попытки
пересмотреть историю знаменитого
шуерецкого ансамбля.
Воспринимаю
это с понятной субъективностью.
Но всё же стараюсь
не закрывать глаза на новые факты.

1. Село Шуерецкое расположено примерно посередине между Кемью и Беломорском.

Вот координаты: 64°44''33'' с. ш. 34°42''27'' в. д.

Классическое Поморье!

Дух Русского Севера именно здесь получил своё наиболее полное и яркое выражение.

Это хорошо почувствовал Иван Яковлевич Билибин: суровые места он увидел в ауре сказки – и обобщил до уровня символа.

Вот она, исконная Русь!

Живая, доподлинная!

Чудом дошедшая до тех дней, когда совсем рядом – через ледниковые сельги и мшары – сквозь великую тишину – с грохотом и скрежетом пролегла Мурманская железная дорога.

Ещё совсем недавно в Шуерецком можно было увидеть знаменитый архитектурный ансамбль.

Роковой удар молнии пришёлся на 1947 г.

Состав ансамбля складывался в такой хронологической последовательности:

– *шатровая Никольская церковь (1595)*
– *кубоватая Пятницкая церковь (1666)*
– *шатровая колокольня (1697)*
– *шатровая Климентовская церковь (1787).*

Три шатра – и куб: это как четверостишие – или симфония.

Ошеломительная четверица!

Части работают на целое – целое отзывается в частях.

Согласованность элементов кажется безупречной.

Шуерецкий ансамбль во всей его полноте и красоте в 1886 г. увидел и сфотографировал академик Владимир Васильевич Суслов.

Через два года Климентовская церковь сгорела.

Потом постройки обшили – они от этого много потеряли.

Село Шуерецкое кладёт почин двум значительным традициям:

– до недавнего времени считалось бесспорным, что именно шуяне возвели первую на Руси кубоватую церковь – потом считай два века они строились на берегах Белого моря и реки Онега;

– другой приоритет – первый ансамбль, сочетающий шатры и кубы: это созвучье внесло новую – щемяще прекрасную, романтическую – ноту в облик Северной Руси.

Появление необычной архитектурной формы кажется внезапным.

Она не вытекает непосредственно – не выводится напрямую – из чего-то ей предшествующего.

– *Чудесное озарение!* – восклицает историк архитектуры Г.Я. Мокеев, имея в виду Пятницкую церковь[1].

По мнению учёного, кубоватое покрытие – метафора пламени, которое возжигалось на башнях, окружавших Рай. Зодчие искали прототип в глубинах своей родовой прапамяти? Спорная, но яркая гипотеза!

Исследование убедило Г.Я. Мокеева: куб Вознесенской церкви в Кушереке – а это второй по времени храм интересующего нас типа (1696) – когда-то был окрашен в оранжево-красное. Мастера хотели усилить образное сходство небывалого завершения церкви с огненным языком.

Г.Я. Мокеев пишет: *«Кубоватые храмы – эти зримые символы Рая-Эдема – не случайно, надо полагать, разместились на берегах «студёного моря-океана», его реках и речках»*[2].

Подразумевается весьма компактный ареал кубоватых церквей. Линия, вдоль которой они расположены, если и не совпадает с границей новгородского влияния, то всё же тяготеет к ней. Конечно, поморские и поонежские ансамбли были построены позже падения вечевой республики, но инерция её вольнолюбия и самостояния долго сохранялась на Русском Севере. Метрополия уступила Москве – но провинция многое удержала.

Получив импульс от варягов, ушкуйники двинулись на высокие широты – к Дышащему морю.

Что влекло их сюда?

Среди различных факторов – этот: поиск Земного Рая. Поначалу он грезился как раз там, где спустя века встали кубоватые храмы – потом отодвинулся в неопределённую даль.

Обернулся – Беловодьем.

Наконец – Китежем.

Эти две великие национальные мифологемы рождались одновременно с возведением кубоватых церквей – в непосредственной близости от них.

Первая – на Топозере: до Поморья рукой подать.

Вторая – в среде старообрядцев-бегунов – на Каргопольщине: силуэт верхней Онеги невозможно представить без кубоватых покрытий.

Архиепископ Василий Калика писал из Новгорода в Тверь о Земном Рае, рисуя его на северном фоне: *«А то место святого рая находил Моислав Новгородец и сын его Яков, и всего было у них три лодки, но одна из них, долго блуждая, погибла, а две другие потом долго ветер носил по морю, и наконец принесло их к высоким горам. И увидели они, что на одной из тех гор чудною лазоревою краскою написан Деисус, дивно выше меры, как бы не человеческими руками создан, но Божиею благодатью. И свет был на месте том самосиянный, так что человек и сказать о нём не может»*[3].

Потрясающая фреска!

Попробуйте её представить на скалах Зимнего берега – в несказанном свете белой ночи.

Наши вольные ассоциации преследуют одну цель – задать кубоватым храмам естественный для них сказочный контекст. Они помогали северянам *трансцендировать* – переносили их за грань обыденного. Под сенью кубов и впрямь ощущаешь себя небожителем.

Пятницкая церковь долгое время считалась первенцем.

От неё словно волна идёт на Восток – поначалу вдоль Поморского берега, а потом – круто повернув на Юг – по всей Онеге, от устья до истока, иногда отклоняясь то в сторону Карелии (наш Ильинский погост), то в направлении Подвинья (Куртяево).

Назовём лишь некоторые вехи этого движения: Кушерека – Подпорожье – Усть-Кожа – Верховье – Чекуево – Пияла – Турчасово – Бережная Дуброва – Архангело – Нокола.

Почему именно Шуерецкое хочется видеть исходной точкой?

Вот известные соображения:

– вытянутость куба Пятницкой церковью будто бы указывает на преемственность с шатровым завершением – силуэты и впрямь конвергируют;

– церковь одноглавая: логично считать, что моно- предшествует поли- – в Кушереке мы видим уже пятиглавие, но это не предел: экспансия дойдёт до 13 глав, а впоследствии перекинется на ярусные храмы (Вытегра – 25 глав, Кижи – 22 главы);

– теремки на рёбрах шуерецкого куба так и тянет уподобить зачаткам будущих глав – как если бы в эскизе, но с безупречной топографической точностью они наметили место для них.

Первая!

Как же иначе?

И вдруг – ревизия: вроде бы появились факты, отодвигающие датировку далеко вперёд – в середину XVIII в.

Ломается привычная, освящённая великими авторитетами схема.

Как ни досадно, а верность истине требует признать новую позицию – конечно, в том случае, если её обоснование не вызывает сомнений.

С ходу отказываться от прежней канвы не следует.

Полезно взвесить все аргументы и контраргументы.

2. Россия – Евразия: стык Запада и Востока.

Н.К. Рерих говорил об анонимности творчества на Востоке: личностное начало здесь уходит в тень – нет заботы о том, чтобы закрепить и сохранить чьё-то авторство.

Россия в этом отношении всегда тяготела к Востоку.

Что в имени тебе моём?

Вопрошание А.С. Пушкина – в ориентальном духе.

С.А. Есенин писал о Москве:

Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.

Кто создал эти купола?

Знать не знаем – ведать не ведаем. За редкими исключениями.

Тем ценнее исследования Елены Борисовны Заручевской, которая возвратила нам имя мастера, создавшего чудо Нёноксы.

Это Василий Матвеевич Корсаков.

Он же поновлял церкви в Шуерецком.

Пусть в частном случае, но амнезия преодолена.

На Руси долго не понимали, что страдают этим недугом.

Сравним Запад и Восток по критерию памятливости.

Когда началась готика?

Отвечаем вполне определённо: вдохновлённый Дионисием Ареопагитом – его идеей ступенчатого восхождения к Богу – аббат Сюжер в 1137–1144 гг. перестроил собор своего аббатства так, чтобы он пробуждал экстатический порыв к занебесью.

Всё новые и новые лестницы вздымались в зенит на широком пространстве Европы!

Англия была как бы преадаптирована к новому стилю – содержала в своём романеске его предпосылки. Получив импульс от Франции, она сполна раскрыла собственный потенциал в так называемой *перпендикулярной готике* – энтелехией для британских зодчих стала *высотность.*

Два собора – линкольнский и солсберийский – будто соревновались на стезе восхождения.

Мы можем чётко проследить историю каждого из них.

Линкольнский собор заложен в 1072 г. – был уничтожен землетрясением 1085 г. – при возобновлении его замысел подвергся готизации – взял рекорд по высоте шпиля: 160 м.

Увы, в 1549 г. первенство вернулось пирамиде Хеопса: шпиль обрушился.

Солсберийский собор заложили в 1220 г. – на фоне прочно утвердившейся готики.

Освятили в 1252 г.

Зодчий – Элиаш Дерхем, менеджер – Ричард Пур.

Храмина норовила обогнать линкольнского собрата: шпиль достиг 123 м. Полый изнутри, он впечатляет каркасом, построенным из чёрных дубовых балок – на одной из них в 1240 г. впервые были использованы для записи арабские цифры.

Подробности как на ладони!

Скрупулёзно изучив их, Уильям Голдинг написал роман «Шпиль».

Вы можете представить нечто подобное относительно Покрова на Рву?

Детальные синхронистические таблицы, дающие параллельно ход развития европейской и русской архитектуры, построить невозможно.

Много ли мы знаем о ранней истории Московского Кремля?

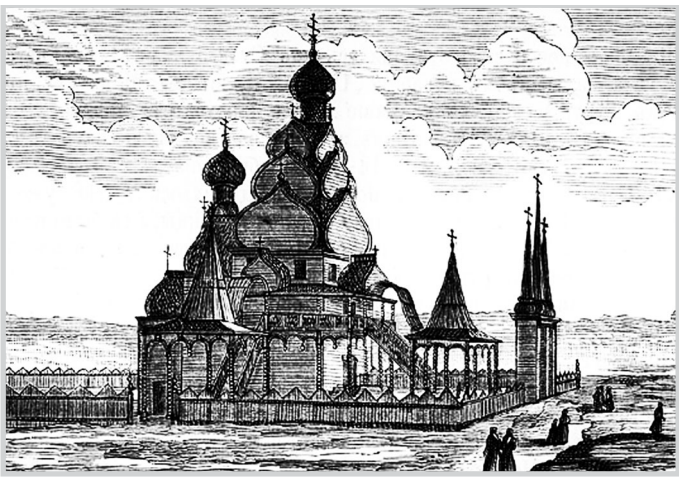
Каким он был в свою деревянную пору?

Поставим вопрос шире: как выглядела Москва и её окрестности до той поры, когда столица стала *белокаменной*?

Глядя на замечательную картину Аполлинария Васнецова «Троице-Сергиева лавра», восхищаясь ею, всё-таки задумываешься о том, насколько корректно его цитирование зарисовок А.Олеария и Э. Пальмквиста?

А.М. Васнецов. Троице-Сергиева лавра (1908–1913)

А. Олеарий. Русские поминают своих умерших



Э. Пальмквист. Николо-Угрешский монастырь

А.М. Васнецов. Оборона Москвы от Тохтамыша

Они напрямую использованы здесь.

Пытливые путешественники запечатлели Русь XVII в.

В своих реконструкциях-фантазиях мастер опирался и на более свежий материал, привезённый из эпохальных экспедиций Л.В.Далем, В.В.Сусловым, И.Я.Билибиным. Вправе ли художник был экстраполировать его на Москву XIII–XIV вв.?

Покрытия шатром, бочкой и кубом, ярусные многоглавия: образы Русского Севера Аполлинарий Васнецов проецирует на Москву.

Вот известная картина «Кремль при Иване Калите».

Два каменных собора, Успенский и Спасский, предстают в окружении деревянных построек, покрытых на два или четыре ската.

Соборы – парят!

Соборы – доминируют!

Сейчас их чета – главная нота.

Однако существует малоизвестный графический вариант этой работы, где мы ещё не видим камня – сплошь дерево. Вероятно, сделана попытка запечатлеть Кремль, каким он был до 1327 г., когда было построено Успенье.

Видите шатровую церковь?

Прямо-таки двойник наших северных див!

Легко догадаться: там мастер увидел Спас на Бору – в его деревянной ипостаси.

Каменная наследница появится в 1330 г.

А вот картина «Оборона Москвы от князя Тохтамыша».

Это 1382 г.

Рядом с Успеньем – до Аристотеля Фиораванти оно было одноглавым – стоит шатровая церковка: восьмерик – четыре прируба – лемех на маковке.

Такой знакомый образ!

Что-то похожее мы можем увидеть и в Поморье, и в Подвинье.

Запечатлённый художником собор будет разобран – на смену ему 30 апреля 1471 г. заложат новый.

Тот 20 мая 1474 г. разрушится в результате *труса* – землетрясения.

Немедля – в сей же год – Иван III поручит своему послу в Италии Семёну Толбузину подыскать зодчего для работы в Москве.

Вроде как полный порядок с датами.

Провалов в памяти больше не будет?

Увы, это не так.

Спас на Бору был первой церковью в Кремле.

Мало того, что мы никогда не можем вос-

становить его деревянный облик – есть и более поздние проблемы:

– Действительно ли Василий III в 1527 г. на месте старого собора построил абсолютно новый?

– Тогда что по указанию Екатерины II – в связи с обветшанием – радикально перестраивалось в 1767 г.: здание XIV или XVI в.? И кто руководил работами – Иван Яковлев или Матвей Казаков?

Мнемосина подводит.

Целые пласты прошлого – и ведь не очень далёкого – визуально не представимы.

Бревенчатый Кремль не оставил следа ни в иконах, ни в летописях.

Игра нашего воображения вольна заполнять белые пятна без всякого контроля со стороны фактов.

Таковые по сути отсутствуют.

Жаль!

Хорошо, перешли при Иване I Калите *на каменное дело.*

Иван III призвал итальянцев.

Когда бы мы у них переняли не только технологии, но ещё и культуру памяти!

До сих пор до конца не прояснено, что в Кремле построил Алевиз Старый – а что Алевиз Новый.

Ну да, Архангельский собор – тут всё ясно.

Однако Алевизу Новому мы приписываем много чего.

Насчитал 17 объектов!

Вместе с Бахчисарайским дворцом – 18.

Среди них столь разные постройки, как церковь Петра Митрополита – и два шатра в Александрове.

Неужели одна рука?

Она ли уверенно начертала первый абрис каменного шатрового покрытия?

Контроверза – Коломенское!

Лучший – образцовый – великий шатёр!

Неужели вторичен?

Авторство Петрока Малого устанавливается на основе анализа.

Прямых документальных свидетельств нет.

Ладно итальянцы. Всё же чужаки.

А свой в доску Фёдор Конь?

П.А. Раппопорт приписывает ему 74-метровую шатровую церковь в Борисове, казавшуюся невесомой благодаря своим духоносным пропорциям – но одновременно мы слышим утверждение, что Фёдор Савельевич построил и Троицкую церковь в Больших Вязёмах.

Сопоставим эти объекты рядом в целях контраста.

Это ведь разные художественные миры!

Неужели один зодчий мог так легко переходить из одной эстетической системы в другую?

Современная архитектура даёт тому много примеров.

Но классики – консервативны: обычно они блюли и совершенствовали однажды выбранный канон.

Почему мы позволили себе эти отступления от темы?

Хотелось разобраться в особенностях исторической памяти на Руси – с тем, чтобы глубже осмыслить итоги архивных разысканий, связанных с Шуерецким.

3. Вот что про основание своего села рассказывают сами шуяне: *«От беженцев пошла деревня, от службы бегали (двадцать пять лет ведь служба была тогда); но это мало, а в основном, от новгородцев. Новгородцы бежали от притеснения: налоги были большие. Они спускались вниз по реке на плотах и поселились на берегу этой реки. Здесь раньше не жили, а жили километра за два, за три отсюда. Пороги здесь, и, чтобы быть поближе к морю, переселились сюда, пониже. Хлебопашеством занимались, рыбу ловили.*

Церковь Шуерецкая, Никольская, была построена ещё при Петре Великом, более трёхсот лет ей. Сгорела она против Ильина дня, девятнадцатого июля по-старому; Пятницкая и Никольская сгорели, а Климантовская была дале, её-то спасли. Паруса натягали, воду лили, спасли»[4].

Запись от Т.С. Зайковой сделана 4 июля 1969 г. Пожар 1947 г. явственно стоит в её сознании. Что касается хронографии – то аберрация очевидна. Это своего рода традиция: сопряжение видных культовых сооружений – с именем императора. Аналогии хорошо известны. Но упрекнём ли поморку в неточности? Ведь и для учёных людей датировка Никольской церкви представляет немалые трудности.

Это зафиксировано в комментариях Н.А. Криничной.

Выдающийся фольклорист и этнограф, Неонила Артёмовна отличается доскональностью в своих публикациях: *«С. Шуерецкое упоминается в письменных источниках под 1530 г., при царе Василии Иоанновиче. Церковь Параскевы Пятницы построена в 1666 г., Никольская – в 1753 г. Предшественница последней фигурирует в грамоте новгородского митрополита Варлаама от 3 мая 1593 г. (Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. С. 339). Связь основания Никольской церкви с Петровской эпохой – анахронизм»*[5].

Каждая дата в этих схолиях интересна для нас.

Знакомясь с историей Шуерецкого, удивляешься разнобою данных – к общему знаменателю их привести непросто. Так, можно встретить утверждение, что первое письменное упоминание села приходится на «Проторную книгу» 1710 г. – это самый ранний документ Национального архива Республи-

Шуерецкое. Фото Г.А. Анкудинова. 1929 г. Национальный архив Республики Карелия

ки Карелия, хранящийся в фонде Канцелярии Олонецких Петровских заводов.

Однако самим шуянам известны более древние свидетельства. Процитируем их сайт: *«Среди актов есть один 1499–1500 гг., из которого следует, что в нижнем течении реки Шуи к 1500 году существовало поселение. Это «Купчая на двор «на низу» Шуи реки, купленный Матвеевым сыном и Степаном Яковлевым сыном у Матвея Потапьева сына», которая даёт основание считать год 1499 годом основания села Шуерецкое»*[6].

Исходя из этих реалий, шуяне недавно отметили 515-летие своего села – думается, что поздравления они получали не всуе.

По сравнению с данными Н.А. Криничной, дата углублена на 31 г.

Вернёмся к истории ансамбля.

Вот что мы находим в учётной карточке Никольской церкви: *«Деревянная церковь, построенная в 1595 и реконструированная в 1753, позже обшитая тёсом. Крестообразное в плане здание, боковые рукава которого были перекрыты двускатными кровлями с полицами, а над средокрестием был поставлен восьмерик с повалом под шатром. При реконструкции в 1753 с западной стороны сооружена закрытая паперть»*[7].

Существенно расхождение с информацией, приводимой в комментариях Н.А. Криничной, – 1753 г. называется годом то строительства, то реконструкции храма.

Дата 1773 г. фигурирует и у С.Я. Забелло, В.Н.Иванова, П.Н.Максимова – процитируем их труд: *«Никольская церковь, 1595 (?). Метрика 1887 г. называет годом постройки церкви 1595, тогда как надпись на тябле иконостаса говорит об освящении её (но не о постройке) в 1753 г. Во всяком случае по своей композиции она близка некоторым постройкам 16 в. (Уна; Куштский монастырь)»*[8].

1595 г. принимается – но под знаком вопроса.

Новый свет на вопрос о датах проливают исследования Е.Б. Заручевской.

Свежий взгляд!

Причём убедительно документированный – хорошо, что историки зодчества стали больше работать в архивах.

История Шуерецкого ансамбля подвергнута Е.Б.Заручевской радикальному переосмыслению. Особый резонанс вызвала её статья «Плотник Василий Корсаков и его храмы»[9]. Это 2010 г. К сожалению, автор не ссылается на свою предыдущую публикацию – «Церковный мастер Василий Корсаков»[10]. Она вышла двенадцатью годами ранее.

Между тем сопоставление двух этих работ крайне интересно в методологическом отношении.

В примечании к первой статье читаем следующее: *«Пятницкую церковь датируют 1666 г. и причисляют к первым кубоватым церквям на Севере. Однако в «Описи имущества церквей Шуерецкого прихода за 1821 год» приведена ссылка на архиерейскую храмозданную грамоту 1707 г. и освящение Пятницкой церкви в 1710 г. /Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 31. Ед. хр. 209. Л. 264 об./»*[11].

Фактически здесь аннулируется дата 1666 г. как время возведения Пятницкой церкви.

Во второй статье приводится много интереснейших фактов, связанных с деятельностью В.М.Корсакова – в ней констатируется: *«С 1750-го по 1757 г. Корсаков фактически заново перестроил Никольскую и Пятницкую церкви»*[12].

Храмы какого времени подверглись коренной переделке?

В Никольской церкви В.М. Корсаков заменил пятнадцать венцов – это указывает на её существенное обветшание: дата 1595 г. вызывает полное доверие.

Но если Пятницкой церкви было всего 40 лет, то почему под неё потребовалось подводить два венца?

Несообразности очевидны!

Мастер выправил сруб церкви: *«по надлежащему, чтоб была пряма»*[13].

Почему так быстро перекосилась?

Во второй статье Е.Б. Заручевская снимает дату 1710 г.

Значит, В.М. Корсаков реконструирует храм, восходящий всё же к 1666 г.?

Это главный вопрос!

Из порядной записи следует: покрытие церкви стало другим – не воспроизводило старое.

Отсюда вытекает ошеломительный вывод: куб Пятницкой церкви – вторичен. Он был впереди всех – открывал череду. А теперь переместился в длинный ряд: где-то близко к его концу.

Приоритетное место потеряно.

Ведь получается так, что именно поновитель увенчал четверик полюбившимся в этих местах завершением – и на середину XVIII в., конечно же, не был оригинален в своём выборе.

Что находилось на месте куба?

В первой статье Е.Б. Заручевская так формулирует свою гипотезу: *«Из порядной записи Корсакова можно сделать предположение, что первоначально Пятницкая церковь была перекрыта бочкой»*[14].

Импонирует предположительный тон исследователя.

Во второй статье умозаключениям тоже придаётся *гипотетический* характер: алтарь и четверик Пятницкой церкви *«были перекрыты, предположительно, бочками»*[15].

Для истории деревянного зодчества – в качестве методологии – как нельзя лучше подходит *пробабилизм* (от лат. *probable – вероятный*): проблематический – уходящий от однозначности – стиль мышления. Начало ему положили античные *скептики*.

Избегать категоричности!

Допускать поливариантность решений!

Трезво сознавать, что *неопределённость* – неустранимый компонент знания!

Вот золотые правила пробабилизма.

А.Б. Бодэ принимает эти правила. Учитывая изыскания Е.Б. Заручевской, он отказывается от привычной точки зрения – и пишет: *«Допускается, что Пятницкая церковь первоначально имела иное покрытие, возможно – бочкой»*[16]. Особенности её куба теперь объясняются иначе: не новизной эксперимента, а *«расположением на периферии ареала»* – свободой от давления канона[17].

Сколь разные модели генезиса сталкиваются тут!

Завязывается острое, глубокое, антиномическое противоречие.

Это плохо?

Этого надо избегать?

Наоборот: такая ситуация представляется неизбежной в исторических науках – альтернативные решения вынуждены сосуществовать. Быть может, в каждом из них преломляется многогранная истина: формообразование *полифилетично* – схожий результат достигается разными путями.

4. Не является ли *конвергенция* главным законом, направляющим эволюцию деревянного зодчества?

Этот феномен может проявляться двояко:

– одна и та же форма развивается из нескольких источников – для куба это и главка, и бочка, и шатёр, и колпак;

– начальные и конечные этапы эволюции принимают сходное выражение.

Оба вероятия нам кажутся эвристичными для изучения Пятницкой церкви.

Откуда куб?

Кого и когда осенила идея?

Это волнующая тайна русского деревянного зодчества. Будем подходить к её разрешению с разных сторон, проявляя терпимость даже к таким суждениям, которые ломают нашу парадигму. Вместе с тем да не оставит нас вдумчивая осторожность, мешающая принимать новизну с налёта – без придирчивого анализа.

Как выглядела Пятницкая церковь до того, как В.М. Корсаков дерзнул переиначить её на свой лад?

Отменный мастер не ударил в грязь лицом.

Создан – шедевр.

Тем труднее принять, что перед нами – своего рода палимпсест: под корсаковской схемой – пусть виртуально – проступает совсем другая основа.

Какая конкретно?

Е.Б. Заручевская – и вслед за нею А.Б. Бодэ – говорят о бочечном покрытии.

Это сугубо гадательное допущение. Но шанс оказаться близким к истине у него немалый. Покрытия такого типа хорошо известны на Онеге. Однако все они относятся к XVIII веку. Классический пример – Благовещенская церковь в Пустыньке (1719). Как ни обшаривай предыдущее столетие – ничего подобного не найдёшь.

Быть может, Пятницкая церковь всё же первенствовала – только не в кубоватом, а в бочечном покрытии?

Сделав такую поправку, мы вроде бы восстанавливаем престиж Шуерецкого – но тешиться нам придётся недолго.

М.И. Мильчик и Ю.С. Ушаков убедительно воссоздали облик Благовещенской церкви, построенной на Северной Двине по заказу крестьян Троицкой волости.

Это 1637–1639 гг.

Плотник Патрикей Денисов досконально точен и в датах, и в подробностях. До сих пор нам этого не хватало. Но вот, пожалуйста – на 16.09.1638 г. приходится такая запись: *«верх срубил бочкою»*[18].

И ведь какой бочкой!

По прихоти заказчиков было предложено *«з боков со сторон вывести шеи и маковицы и кресты»*[19].

Главы устанавливались на бочечных скатах?

Прорезали пучину?

Вне аналогий – без прецедента!

Этот приём будет подхвачен и развит в кубоватых завершениях. А здесь он – проба: уникальная, неповторимая.

Снимите куб с Пятницкой церкви – и поставьте бочку: с одной главкой над килем – или с двумя по бокам.

Смотрится?

Да, и очень органично.

Наши четверики потворствуют игре воображения – хорошо сочетаются с разными видами покрытий. Если они – как четырёхгранный стебель, строгий и однотипный, то форма цветка может широко варьировать.

Здесь легко представить и шатёр.

И куб иной модификации, нежели та, которую блистательно осуществил В.М. Корсаков.

Соображения Е.Б. Заручевской носят спекулятивный характер.

Это никак не укор – это правомерно.

Вот что она пишет о Никольской церкви: *«Возможно, что до перестройки храмовый восьмерик имел два повала, нижний из которых был окружён фронтонным поясом двухскатных покрытий, наподобие тех, что встречаются на храмах западного Обонежья XVII–XVIII вв. Так это было или иначе, мы уже не узнаем»*[20].

Вот именно!

Множественность интерпретаций здесь неизбежна.

Почему бы не снять ендовы с Никольского храма в Согинцах и не примерить к одноименному храму в Шуерецком? Эти мысленные эксперименты полезны для теории. Ставя их, мы не претендуем на обладание окончательной истиной – она недостижима. Но это не повод для агностицизма.

Повторим ещё раз ключевое в данном контексте слово: *неопределённость*. Это состояние перманентно для истории деревянного зодчества.

В распоряжении Е.Б. Заручевской имеются сильные – и весьма нетривиальные – аргументы. Это поразительные словосочетания, найденные ею в архитектурных источниках. Они сами по себе – замечательные открытия: мы видим, как развивающаяся архитектурная мысль закрепляет себя терминологически, делая это точно и образно.

Таких идиомы две:

– *бочка на четыре ската* – сказано о кубе Пятницкой церкви[21];

– *кубастый шатёр* – это характеристика восьмигранного покрытия церкви Николая Чудотворца в селе Зачачье.

Без преувеличений: пополнения архитектурного словаря, за которые мы должны благодарить Е.Б.Заручевскую, воистину бесценны. И вот что существенно: народные дефиниции схватывают *связь форм* – их превращаемость. Элемент эволюционного мышления неявно присутствует в них.

Е.Б. Заручевская стремится показать: В.М. Корсаков – первосоздатель шуерецкого куба. Её соображения увлекают и убеждают. Но тем не менее нельзя исключить и того расклада, что мастер переосмыслил уже имевшееся – использовав исходную матрицу, наложил на неё своё, индивидуальное. Как бы *остранил* готовое – привнёс в него настолько оригинальные черты, что возникло ощущение абсолютной самобытности.

Куб кубу рознь.

Двойников тут не найдём.

Шуерецкий куб – ярчайший уникум.

В порядной очень интересно отразилась динамика прошлого и настоящего – традиции и новации: *«вместо старые, бочка на четыре ската с зубцами, да от оной бочки шея и глава по угожеству новые»*[22].

Утверждается прежде не бывшее?

Подвергнув эту фразу лингвистическому и логическому анализу, мы всё-таки не можем со стопроцентной уверенностью отбросить и такую вполне реальную допустимость, что бочке на четыре ската предшествовал её же аналог.

Новый куб мог выглядеть авангардным по сравнению со старым.

Решающий аргумент для отказа от 1666 г. как датировки не только четверика, но и покрытия Пятницкой церкви отсутствует.

Да, уверенность поколеблена.

И это хорошо: инициирован поиск. Его результаты у Е.Б. Заручевской убедительны. Хотя исследователь исправил свою ошибку с датировкой Пятницкой церкви 1710 г., но сам факт этого заблуждения – здесь нет никакого попрёка – поучителен.

Строгие доказательства – прерогатива математиков.

В гуманитарной сфере многое уходит от фокусировки – остаётся размытым.

Тем не менее и здесь наличествует неоспоримое.

Хотя Е.Б. Заручевская преодолела досадное заблуждение, но всё равно: позволим себе немного полемики – пусть уже не актуальной. Впрочем, как сказать. Ведь промах – пусть уже и скорректированный – всё же продолжает отбрасывать некоторую тень на наши репутации. С этим ничего не поделать.

5. 1710 – вместо 1666: это вызов истине.

На каком историческом фоне появляется Пятницкая церковь?

Как раз в 1666 г. низложен патриарх Никон.

Связывать переход от шатра к кубу с его если не прещениями, то эстетическими приоритетами? Сегодня мы отказались от этой прямолинейной схемы.

Через два года соловецкие монахи поднимут мятеж.

Село Шуерецкое станет оплотом старой веры.

А что в Европе?

С новгородских времён поморы питают уважительный интерес к Западу. Шуерецкий куб: для его изучения очень полезен контекст европейского барокко.

В 1666 г. И. Ньютон открывает солнечный спектр – Р. Гук изобретает винтовую зубчатую передачу – Ж.-Б. Мольер пишет пьесу «Лекарь поневоле».

Поразительный параллелизм – или *синхронистичность*: в далёком Ташилумпо в 1666 г. строится буддийская ступа, созвучная северным шатрам и кубам – та же порывность к небу, тот же ступенчатый строй.

Очень бы хотелось представить Шуерецкое в 1666 г.

Обратимся к свидетельствам.

Церковные историки отличаются дотошностью: *«Шуерецкий приход состоит из одного селения Шуи, расположенного по обоим берегам реки Шуи при впадении её в Белое море, в 467 вёрстах от г. Архангельска, в 25-ти от г. Кеми и в 28-ми от ближайшего Сороцкаго прихода. Жители к 1896 г. состоят из 346 м.п. и 424 ж.п. Все они придерживаются раскола. Определить с точностью время образования Шуерецкого прихода нет возможности. Известно только, что село Шуя, до отобрания вотчинных владений от монастырей, было вотчиною Соловецкого монастыря. Очень вероятно, что первые церкви устроены были на средства этого монастыря, и тем положено было начало приходу. Из существующих ныне трёх приходских храмов самым древним является храм в честь св. вкмчн. Параскевы, устроенный в 1666 г. по грамоте Новгородского и Великолуцкого митрополита, как видно из надписи на древнем храмозданном кресте, и освящён Соловецким архимандритом Варфоломеем. В 1891–1892 гг. этот храм капитально был ремонтирован. Верх его шатровый, глава одна; престол тоже один. В этом храме имеется ризной образ св. вкмчн. Параскевы, чтимый не только православными, но и раскольниками»*[24].

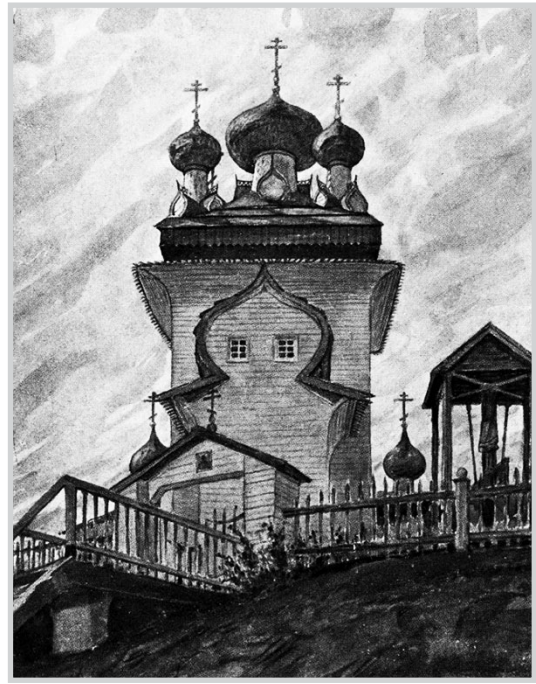
Обращает на себя внимание характерная неясность, возникающая при определении куба – о Пятницком храме сказано так: *«верх его шатровый»*. Ассоциативное сближение оборачивается прямым отождествлением. Форма как бы уходит от вербализации. Желаешь дать представление о ней – и невольно прибегаешь к метафорам. Схожие терминологические трудности испытывают и специалисты. Об этом подробно рассказывает И.Н. Шургин[25].

Кубоватое зодчество Русского Севера открыл незабвенный Владимир Васильевич Суслов (1857–1921). Воздавая ему должное, всё же следует признать: сильного впечатления диковинные покрытия на него не произвели. Случается, что он их игнорирует при описании храмов – внимание задерживается на других деталях.

Как известно, В.В. Суслов писал на темы древнего зодчества картины-фантазии – мотив куба в них занимает скромное место; обычно он связан с теремами и хоромами – вдохновение мастер черпает в Столовой палате Коломенского дворца, хорошо известной ему по гравюрам. В дивной книге «Русское зодчество по преданиям народной старины» (1911) мы не найдём ни одного храма с кубоватым завершением.

Русский Север потребовал от учёного обновления, расширения и уточнения архитектурного словаря.

Вот как описывается покрытие Вознесенской церкви из с. Кушерека: *«сруб «бочечной» формы,*



В.А. Плотников. Кушерека. Церковь Вознесения

а в средине его (на чердаке) идёт крестообразный сруб, который одновременно скрепляет брёвна бочечной крыши и служит основанием средней главы»[26].

Понятие куб ещё не задействовано!

Бочечная форма, бочечная крыша: сугубо ассоциативное описание ненароком указывает на возможный генезис куба – его преемственную связь с бочкой.

Чувствуется: Владимиру Васильевичу *не хватает слов* – столь новы конструкции, увиденные им на Севере.

Кокошники, окружающие шею центральной главки, – о них сказано так, что предмет обозначения угадывается не сразу: *крестообразный сруб.* Неожиданная экстраполяция! Между прочим, в ней содержится зерно аналогии, которую потом успешно разовьют В.П. Орфинский и А.Б. Бодэ. Конкретно:

– В.П. Орфинский увидит в кокошниках, окружающих основания глав, своеобразный рудимент крещатой бочки[27].

– А.Б. Бодэ свяжет крещатую бочку, врезанную в куб Никольской церкви (Бережная Дуброва), с традиционным для Поонежья крестовидным основанием церквей[28].

Бережная Дуброва. Никольская церковь

Во всех трёх случаях изоморфизм связывает низ и верх церквей, пронизывая навылет всю их структуру – играя на фрактальном подобии. Этим усиливаются качества, которые мы определяем так: *системность – целостность – гармония.*

Скорее всего, что народное слово повал не было знакомо В.В. Суслову – вместо него он использует несколько забавную дескрипцию: *«закруглённый относ, имеющий значение карниза»*[29]. Речь идёт о кушерецком Вознесенье.

Знаменательный факт: первый раз В.В. Суслов использует слово куб, когда говорит о первом кубоватом храме на Руси. Процитируем полностью описание Пятницкой церкви – она состоит *«1) из главного прямоугольного сруба на подвалах (подклетях), увенчанного четырёхгранной крышей луковичной формы – «кубом», 2) из алтарного прируба, перекрытого бочечной крышей, 3) из трапезной с западной стороны церкви и 4) из галерейки с лестницей на два схода. Из этой галерейки идёт маленький переход в огромную восьмиугольную колокольню, покрытую пирамидальной деревянной крышей»*[30].

Обратим внимание на сближение куба и луковицы.

Ещё один вариант генезиса!

Кубоватые храмы Поонежья часто имеют на алтарях трёхлопастные бочки. Мысли В.В. Суслова об их происхождении эвристичны и для проблемы куба: эта форма *«свойственна фантазии каждого народа. Она могла явиться в разных искусствах самостоятельно, и нет возможности установить то или другое научное решение подобного вопроса»*[31].

И ещё – Sic! – она получалась *«сама собою»*: спонтанно – в силу внутренней логики развития[32].

Откуда куб?

Из Индии?

Из Малороссии?

Критически рассмотрев эти допущения, М.В.Красовский предлагает свою версию – причем использует то же наиточнейшее выражение, что и В.В. Суслов: *«форма куба настолько проста и так близка к луковичным главам и бочкам наших церквей, что могла появиться сама собой»*[33].

Сама собой!

Непроизвольно!

Как по мановению!

Это стихийная *синергетика.*

Она действует в каждой культуре.

В ней ключ к пониманию феномена *конвергенции* – далеко не всегда нужно прибегать к гипотезе *влияния.*

Куб Пятницкой церкви *самороден* – развитие деревянного зодчества *самодвижно* – формирующийся в гуще народа канон красоты *самопричинен*.

Космос Русского Севера чудодейственно преобразился благодаря кубоватым храмам.

В начале было Шуерецкое!

А если всё-таки Кушерека?

Эта гипотеза ещё далека от апробации. Утвердившись в ней, натолкнёшься на новые проблемы – И.Н. Шургин пишет о Вознесенской церкви: *«Она даёт пример уже развитого кубовастого завершения, в большой степени соответствующего каменным храмам, венчаемым «горкой кокошников». Следовательно, усложнённая композиция верха кушерецкой церкви тоже не может быть первоначальной»*[34].

Где же *архэ*?

Отодвигается в неизвестность! Попутно заметим, что мысль И.Л.Бусевой-Давыдовой о том, что куб коррелирует с горкой кокошников, в корне несостоятельна: таковая не имеет *пучины* – а это конституирующий элемент кубоватого покрытия.

В.В. Суслов. Шуерецкое.
Первая в России триада храмов – «тройник» по Г.П. Гунну – своеобычная пространственная аллюзия Святой Троицы

Ещё раньше схожие соображения развивал А.Б. Бодэ: *«Между архитектурным решением церквей в Шуерецком и Кушереке слишком большая разница при столь малом временном промежутке, чтобы видеть в них последовательные звенья эволюционной цепи»*[35].

Ведущий специалист по кубоватым храмам А.Б.Бодэ написал много интересного о Пятницкой церкви как родоначальнице этой формы покрытия.

Сегодня он пересматривает свои взгляды.

Преждевременно!

Есть система *историческая* – и есть система *типологическая.*

Независимые друг от друга, они могут резко расходиться во времени – вплоть до такой парадоксальной ситуации, когда типологически предзаданное, которое по идее должно намечать канву развития, тем не менее как бы запаздывает, проявляясь после опередивших его исторических фактов.

Пусть Кушерека *исторически* первая.

Но *типологически* всё равно первенствует Шуерецкое!

История от времени – типология от вечности.

Что кому нравится – каждый выбирает сам.

Гипотезу Е.Б. Заручевской никак нельзя считать верифицированной.

Тем не менее её надо приветствовать, не боясь пересмотра академических взглядов, ставших для тебя чем-то абсолютным и безусловным.

Накопленный позитив сохраняется при всех потрясениях.

Историко-архитектурная классика не отбрасывается.

Но и не догматизируется.

Куб Пятницкой церкви остаётся прекрасной манящей загадкой.

Примечание

[1] Мокеев Г.Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства. М., 2012. С. 231.

[2] Там же. С. 231.

[3] Приведём древнерусский текст: «А то место Святого Рая находил Моислав Новгородец и сын его Яков. И всех было их три юмы. И одна из них погибла много блудив, а две их потом долго носило море ветром, и принесло их к высоким горам. И видеша на горе той написан Деисус лазорем чудным и вельми издивлен паче меры, яко не человеческыма рукама творен, но Божиею благодатью; и свет бысть в месте том самосиянен» // Послание архиепископа новгородского Василия к владыке Тверскому Феодору о Рае. В кн.: Сказания Новгорода Великого (IX-XIV вв.). СПб., 2004. С. 660-663.

[4] Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991. С. 36.

[5] Там же. С. 228.
[6] Интернет-ресурс: pomorskibereg.ru/pomorskomu-selu-shuereckoe-515-let/
[7] Интернет-ресурс: http://temples.ru/card.php?ID=20025
[8] Забелло С.Я., Иванов В.Н., Максимов П.Н. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 95.
[9] Заручевская Е.Б. Плотник Василий Корсаков и его храмы // Деревянное зодчество. Вып. 1. М. – СПб., 2010. С. 147-163.
[10] Заручевская Е.Б. Церковный мастер Василий Корсаков // Новые открытия и реставрация памятников Русского Севера. Тезисы конференции. Архангельск, 1998. С. 79-83.
[11] Заручевская Е.Б. Церковный мастер Василий Корсаков. С. 83.
[12] Заручевская Е. Б. Плотник Василий Корсаков и его храмы. С. 161.
[13] Там же. С. 158.
[14] Заручевская Е.Б. Церковный мастер Василий Корсаков. С. 83.
[15] Заручевская Е. Б. Плотник Василий Корсаков и его храмы. С. 158.
[16] Бодэ А.Б. Деревяные храмы Русского Севера. Архитектура и местное своеобразие. М., 2011. С. 83.
[17] Там же. С. 84.
[18] Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура Русского Севера. Л., 1981. С. 49.
[19] Там же. С. 48.
[20] Заручевская Е.Б. Плотник Василий Корсаков и его храмы. С. 157.
[21] Там же. С. 158.
[22] Заручевская Е.Б. Церковь Николая Чудотворца в селе Зачачье Архангельской области // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность. Архангельск, 2010. С. 126.
[23] Заручевская Е.Б. Плотник Василий Корсаков и его храмы. С. 157.
[24] Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Выпуск III. Архангельск, 1896. С. 118-119.
[25] Шургин И.Н. О происхождении термина «куб» для обозначения криволинейного четырёхскатного завершения деревянных церквей // Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции. XIII. М., 2014. С. 235-241.
[26] Суслов В.В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. СПб., 1888. С. 44.
[27] Орфинский В.П., Гришина И.Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск, 2004. С. 49.
[28] Бодэ А.Б. Деревянное зодчество Русского Севера. Архитектурная сокровищница Поонежья. М., 2005. С. 55.
[29] Суслов В.В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. СПб., 1888. С. 44.
[30] Там же. С. 52.
[31] Суслов В.В. Очерки по истории древнерусского зодчества. СПб., 1889. С. 16.
[32] Там же. С. 16.
[33] Красовский М.В. Курс истории русской архитектуры. Ч. I. Пг., 1916. С. 273.
[34] Шургин И.Н. О происхожденни термина «куб» для обозначения криволинейного четырёхскатного завершения деревянных церквей. С. 241.
[35] Бодэ А.Б. Северорусские деревянные церкви с кубоватыми покрытиями. Архитектура, ареалы, происхождение //Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия. Известия КазГАСУ, 2011, № 2 (16). С. 8.

Юрий Владимирович ЛИННИК

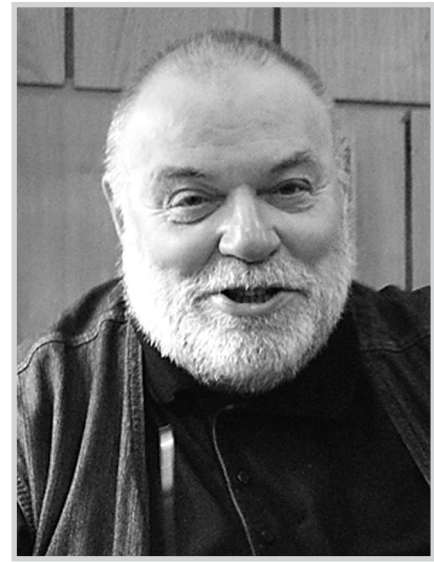
родился в 1944 году в Беломорске.

Ученый, доктор философских наук,

профессор КГПА,

автор многих книг стихов и прозы, искусствоведческих книг,

книг для детей о природе.

Член Союза писателей с 1970 года.

Живет в Петрозаводске.